

Т.Дж. ФИГЕЙРА
Нью-Брунсвик (Нью-Джерси, США)

СПАРТАНСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДЕНЬГИ И ИДЕОЛОГИЯ СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ В АРХАИЧЕСКОЙ ЛАКОНИИ¹

Перевод с английского А.В. Зайкова²

Цель данной работы – рассмотреть феномен спартанских железных денег на широком социально-экономическом фоне. Моя специальная задача – классифицировать железные деньги в рамках средств валютного обращения, использовавшихся в архаической и классической Греции. Эти средства включают в себя не только монеты, но и другие определители стоимости. Мы также исследуем, не представляют ли железные деньги Спарты просто раннюю стадию в развитии греческих денег и в монетизации экономики, упорно сохранявшуюся в консервативном спартанском социо-политическом строе. Впрочем, стремление объяснять железные деньги лишь как окаменевший рудимент раннего общезллинского социального койне с неизбежностью сталкивается с известной спартанской тенденцией к реинституализации, то есть с неким идеологически обусловленным процессом все возрастающей консервативной социальной эволюции. Пожалуй, реконструкция ранней монетарной истории Лаконии должна помочь в создании типологии стоимости для архаической Греции.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

До обзора источников будет полезно разобраться в терминологии. Фраза ‘железные деньги’ вызывает, к сожалению, образ *монет* из

¹ Данная статья является переводом на русский язык доклада, представленного в Дублине в сентябре 2000 г. на конференции, посвященной спартанской истории. Полный вариант исследования, включающий исчерпывающие ссылки на современную литературу, будет опубликован на английском языке в материалах названной конференции (*прим. пер.*).

² Перевод подготовлен в рамках научного гранта Минобразования в области гуманитарных наук (шифр – Г00-1.2-223).

недрагоценных металлов. Хотя Поллукс и сопоставляет их с железными монетами Византия, спартанские денежные единицы все же имели значительную массу (см. эксцерпты № 1 и 2)³. Согласно глоссе Гесихия, обозначением железной денежной единицы был термин *пеланор* (πέλανορ). Это лаконский диалектический эквивалент более распространенного слова πέλαγος, среди значений которого есть одно, для нас наиболее полезное – плоский круглый жертвенный пирог. Таким образом, спартанские деньги представляли собой плоские железные слитки, напоминающие нелепо увеличенные монетные заготовки, вес которых был равен эгинской мине (ок. 614,30 г). Ранее некоторые артефакты рассматривались исследователями в качестве пеланоров, но в дальнейшем эти гипотезы не были поддержаны ни археологами, ни историками. Свидетельства о монетарном применении πέλανορες или πέλαγοι за пределами Лаконики остаются весьма слабыми.

Источники

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о спартанских железных деньгах можно достаточно легко резюмировать. В нескольких отрывках у Плутарха наряду с различными описаниями, обращающими внимание на отдельные детали, содержится общая характеристика этого феномена. Остальные свидетельства будут приведены для того, чтобы дополнить Плутарха. Начнем с рассмотрения отрывка в биографии Ликурга (эксц. № 3). Не удивительно, что железные деньги рассматриваются здесь среди обширного комплекса учреждений, введенных спартанским законодателем. Сходную версию того же самого законодательства Плутарх излагает в отделе, посвященном Ликургу в «Лаконских изречениях» (эксц. № 4). Я буду использовать более детальное изложение в «Ликурге» как шаблон, обращая внимание на все отличия, обнаруживаемые в «Изречениях». Тот же метод может быть применен к третьему, более краткому Плутархову обсуждению этой проблемы, находящемуся в «Сопоставлении Аристиды и Катона» (эксц. № 5).

1. Спартанские железные деньги не предшествовали, согласно этой традиции, золотой и серебряной чеканке. Напротив, они заменили деньги из драгоценных металлов и вместо того, чтобы облегчать обмен, затрудняли его. Чтобы передать эту идею, мы будем использовать термин *контр-деньги* («counter-money»). В «Лаконских изречениях» Плутарх истолковывает введение железных денег как акт откровенного изъятия монеты из обращения (демонетизация), говоря об ограни-

³ Необходимые для целей данной работы выдержки из античных источников помещены в конце статьи и названы «эксцерптами» (прим. пер.).

чении времени, отведенного для обмена (ἀμοιβή) старых денег. Действительно, подобный намек имеется и у Ксенофонта (эксц. № 6), который был одним из источников для Плутарха. Здесь монеты из драгоценных металлов выводились из употребления с помощью своего рода экспроприации. Предполагается, что вне денежной экономики преступления, связанные с деньгами, также исчезли. Этот мотив фигурирует у Ксенофонта как подавление корыстных устремлений (χρηματισμός).

а) Для того, чтобы исключить возможность вторичного использования железных денег, их окунали в уксус, дабы затруднить обработку металла, по крайней мере без его переработки. Эта необычная практика рельефно показана у Плутарха и во многих других свидетельствах.

б) Указание на *громоздкий характер* спартанских денег – клише, впервые использованное Ксенофонтом. Зависимость Плутарха от Ксенофонта очевидна, так как он использует тот же самый иллюстративный пример, рассказывая о 10 минах. Обработка железа в уксусе и значительный вес денег также привлекли внимание автора псевдоплатоновского диалога «Эриксий» (эксц. № 7).

в) Таким образом, железные деньги являлись странной *символической валютой*. В отличие от бронзовых монет, государственные власти не повышали их подлинную металлическую стоимость. Пеланоры обрабатывались для *понижения* их металлической ценности. Только после этого им присваивалась искусственная стоимость. В диалоге «Эриксий» прекрасно выявляется фидуциарный характер железных денег⁴. В Плутарховых «Изречениях» определяются эквиваленты: железо, имеющее вес эгинской мины, равнялось лишь четырем халкам. Халкoi – это мелкие бронзовые монеты, 8 халков составляли 1 обол. Следовательно, каждый пеланор стоил половину оболы (приблизительно полграмма серебра). Этот эквивалент подтвержден глоссой Гесихия (эксц. № 8). Поэтому когда Ксенофонт говорит о 10 минах, он имеет в виду массу в 7,368 кг железа! Такое соотношение обесценивает железо, ибо оно в этом случае стоит в 1200 раз дешевле серебра. Это соотношение не соответствует данным из других экономик, основанных на натуральном хозяйстве. Следовательно, – я придаю этому особое значение, – ценность пеланора определялась в соответствии с *идеологическими интересами*, а не в соответствии с рыночной стоимостью железного слитка.

г) Мотивы отмены серебряной чеканки, изъятия монет из оборота, принудительного обмена и последующей конфискации не позволяют

⁴ Фидуциарной эмиссией называют такую эмиссию, которая не обеспечена ценными металлами; выпуск фидуциарных денег предполагает общественное доверие – от лат. *fiducia* (прим. переводчика).

Плутарху развить мысль о связи между железными деньгами и бартером. Впрочем, возможность применения бартера ясно показана в одном из комментариев Юстина (эксц. № 9). Кроме того, и Полибий сопоставляет железные деньги и ἀλλοαγή – ‘обмен’ урожаями (см. эксц. № 10).

2. Сама идея железных денег заключалась в том, чтобы *изолировать лаконскую экономику*. Ни товары, ни поставщики не притягивались к Спарте. «Изречения» обращают внимание на то, что железные деньги заменили ‘легко применимые’ монеты – εὐχρηστος. Термин αὐψιμος, используемый в биографии Ликурга, означает нетранспортабельность, неконвертируемость и непривлекательность. Согласно «Изречениям», ввоз и вывоз был рискованным делом. Здесь Плутарх вновь близок к идее Ксенофонта, который в «Лакедемонской политике» предвещает обзор спартанских денег описанием того, как Ликург запретил стяжательство ради ‘всего того, что приносит городам свободу’.

а) Проводится связь между железными деньгами и *ксенеласией* – процедурой, с помощью которой спартанцы периодически изгоняли иностранцев. Источник Плутарха полагал, что монетная реформа Ликурга сопровождалась ксенеласией, той, которая может рассматриваться в качестве первого образцового применения этой процедуры. Подобная связь проведена Плутархом и в «Агисе», где царь-реформатор возмущает своему искусителю Леониду. Заметьте, Плутарх обыгрывает идею ксенеласии также и в «Сопоставлении» (эксц. № 5), когда он использует причастие ἐοικίσας, описывая удаление золота и серебра.

б) Предполагалось, что спартанские *ремесла были сокращены* в результате монетарной реформы. Плутарх прямо заявляет и подробно рассуждает об этом эффекте в следующем отделе биографии Ликурга. Здесь он замечает, что лаконские ремесла были ограничены изготовлением ‘повседневных’ и ‘необходимых’ предметов. Главный пример – *котон*, военная чаша для питья, по поводу которой он приводит цитату из «Лакедемонской политики» Крития.

3. Целью монетарной реформы Ликурга было запрещение публичных проявлений неравенства между гражданами (τὸ ἀίσιον καὶ ἀνὴμαλον – и в «Ликурге», и в «Изречениях»). В «Ликурге» Плутарх относит монетарную реформу ко второй фазе законодательства, задачей которой было уничтожение экономических различий. В «Сопоставлении» акцент сделан на той опасности, которую несет с собой обедневший низший слой общества. Таким образом, монетарная система являлась частью *законодательства, регулирующего расходы* населения в интересах государства, результатом которого было подавление τρυφή – ‘роскоши’. Без чеканной монеты не могла бы существовать никакая публичная дифференциация по принципу богатства. Эта идея

уже имелась в «Лакедемонской политике» Ксенофонта (эксц. № 6).

Источник, используемый Плутархом в его исследованиях, обнаруживает определенный интерес к институциональной истории. Два основных описания похожи, но некоторые отличающиеся детали указывают, скорее, на использование общего источника, нежели на прямое заимствование. Этот предшественник сократил более ранний материал. Плутарх, очевидно, использовал «Политику» Крития. Он был также обязан и «Политии» Ксенофонта. В ту же эпоху, вполне вероятно, были созданы и другие полемические сочинения о спартанских учреждениях, которые также внесли свой вклад. Вероятными кандидатами являются какой-нибудь конституционный трактат перипатетиков – либо аристотелевская «Полития», либо конституционный труд Дикеарха.

4. Последним в нашем рассмотрении стоит заключительный обзор Плутарха в его биографии Лисандра (эксц. № 11). Он дает нам нечто большее, нежели простое подтверждение известного уже образа спартанских денег. Как и беглое замечание в «Политии» Ксенофонта, биография Лисандра указывает на актуальность валютного вопроса для политической жизни Спарты IV в.⁵ Контекстом здесь является приток драгоценных металлов, происшедший после Пелопоннесской войны. Рассказ обрамляется детализированным сообщением о падении Гиллиппа, который после своего сицилийского командования исполнял некое поручение во время завершающей войну кампании. Он был пойман на попытке похитить часть трофейных денег. Некоторые влиятельные спартанцы поставили вопрос о связи, существующей между этим преступлением и тем обстоятельством, что государство обладает сокровищами, состоящими из военной добычи и дани. Трудно сказать с уверенностью, слушалось ли это дело в герусии или в собрании.

Плутарх конкретизировал традиционную монетарную систему в специальном объяснении, следующем за фразой ἀλλὰ χρῆσθαι τῷ πατρίῳ. Здесь его комментарий, как и в «Ликурге», делает акцент на трех деталях: обработка в уксусе, большая удельная масса и низкий ценовой эквивалент для единицы веса. Он с чувством напоминает, что частному лицу за обладание золотой и серебряной монетой грозила смертная казнь. Это, видимо, было подтверждением *status quo ante*. Тут он переходит к критике этой меры, ссылаясь на предполагаемый смысл Ликургова законодательства и видя в ней свидетельство отхода от традиционных нравов и появления страсти к стяжательству. Как мы вскоре увидим, использование им термина φιλαργυρία указывает на некое предание, согласно которому страсть к деньгам может уничтожить Спарту.

⁵ Все даты – до н. э. (прим. пер.).

Плутарх высказывает свой взгляд на важные моменты в истории денег. Он полагает, что все ранние деньги походили на спартанские, будучи железными или бронзовыми *ὀρείσκοι*, которые использовались повсеместно. Он подкрепляет свой тезис пронизательным указанием на то, что оболы – это разменные монеты, шесть штук которых составляют драхму, то есть ‘горсть’. Тут позабыта всякая мысль о вытеснении золотых и серебряных монет в ранние времена, ибо Плутарх в данном случае проникает за ту идеологическую завесу, которая окружала спартанские деньги. В использовании железных жетонов сохранялась скорее примитивная греческая практика, нежели странный ликурговский обычай. Современные исследования квази-денежных средств обмена в виде утвари (вертела, котлы и треножники) следуют за Плутархом. И все же при всей близости к подобным квази-деньгам, обнаруживаемой в пеланорах, не рискуем ли мы упустить их нетипичные характеристики, такие как закалка в уксусе и присвоение искусственной ценности? Да и походили они вовсе не на вертела, а на железные жертвенные пироги.

Обсуждение вопроса о казнокрадстве Гиlippа привело к рассмотрению более широкой проблемы собственности в связи с активной заморской политикой. Для Спарты едва ли было возможно избежать создания денежного запаса в виде общепринятых монет и одновременно стремиться к осуществлению крупного внешнеполитического проекта по созданию военной державы. Аристотель полагал, что он обнаружил законодательную ошибку в спартанской системе, ясно видимую в периоды больших войн, а именно в осуществлении управления без денежных средств (эксц. № 12). Он также отмечает невозможность использовать налоги на капитал или *εἰσφοράι* для финансирования военных действий.

К подобному выводу приходит Полибий, чья острая формулировка могла бы удовлетворить современных ‘любителей-поиграть-в-войну’ (эксц. № 10). Гегемония требовала заморских экспедиций и переброски сухопутных сил за пределы Пелопоннеса. Для таких кампаний необходима общепринятая валюта (*κοινὸν νόμισμα*) и приготовления, свойственные для наемного войска. Полибий понимал всю неадекватность традиционных железных денег, говоря об этом более определенно, нежели Фукидид и Аристотель. Он высказывает важную мысль о том, что доход от ежегодного сбора урожая также не мог обеспечить спартанские гегемонистские устремления. Так что железные деньги коррелируют с бартерной экономикой, что и подразумевает термин *ἀλλάγη*. Впадая в морализирование по поводу спартанского упадка, Полибий таки указывает, что правление «согласно законам Ликурга» теперь было уже неосуществимо.

Напротив, Плутарх в «Лисандре» отражает господствующую тенденцию древних комментариев. Начиная с Ксенофонта она описывала социальную эволюцию Спарты кон. V – нач. IV в. в терминах нравственного упадка, растущего неверия в традиционные ценности. Глава 14-я Ксенофонтовой «Политии» обращает особое внимание на появившийся якобы во времена автора развращающий интерес к приобретению золота (эксц. № 13). Также и Эфор (у Диодора) говорит об оракуле, полученном якобы Ликургом, согласно которому *φιλαργυρία* (сребролюбие) или *φιλοχρηματία* (жадность к деньгам) уничтожат Спарту. Оракул вошел в поговорку, ибо историки часто повторяли его, рассуждая о спартанском упадке. Плутарх в «Лисандре» цитирует Феопомпа и Эфора для идентификации оппонента, выступившего против друзей Лисандра. Это показывает, что историки IV в. помещали острые дебаты о государственном денежном резерве в контекст своих размышлений об упадке Спарты. Вряд ли Эфор и Феопомп отвлекались на объяснение традиционных спартанских денег. Плутарх, видимо, набросал свой эскиз по какому-то перипатетическому источнику.

Одна деталь из сочинений Эфора или Феопомпа важна для денежной истории Спарты. 'Традиционалисты' предлагали «изгонять по обычаю золотые и серебряные [деньги], как если бы они означали скверну». Эта риторика внушала, что религиозное очищение Спарты направлено на удаление серебряной монеты. Такое олицетворение источника заражения поразительно. Соблазнительным кажется предположение, что эти шаблонные выражения об изгнании могли восходить к терминологии ксенеласий. Противники накопления казны осознанно выражали свою оппозицию в терминах Ликурговой истории, в духе Плутархова «Ликурга». Так что оппоненты Лисандра в кон. IV в. уже использовали авторитет воображаемого прошлого, чьи контуры намечались с помощью идеологических императивов «Ликургова» строя.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПЕЛАНОРОВ

Противники Лисандра намеревались предложить *практическую* альтернативу планам сохранения монетного резервного фонда. Поэтому не исключено, что железные деньги были попросту придуманы ок. 400 г. Уже наша догадка о том, что Плутарх в своем очерке железных денег отошел от источников, современных описываемым событиям, может означать, что эти источники не содержали никакой разработки этой альтернативы. Отсутствие археологических данных о пеланорах совпадает с отсутствием литературных сведений об их реальном применении. Нет ни одного свидетельства об использовании железных денег в какой-либо сделке. Ксенофонт и Плутарх описывают

трудности применения пеланоров в гипотетических выражениях. Они знают о железных деньгах как о пункте некой идеологической конструкции. Все упоминания о реально применявшихся деньгах в исторических сообщениях о Спарте отражают понятийный аппарат, связанный с серебряной монетой.

Пеланоры были непригодны по вполне мирским, повседневным причинам. Некоторые из них обрисованы в наших источниках. Они тяжелы и трудны в обращении из-за своей малой цены. Заниженный эквивалент делал их непрактичными, поэтому существовало устойчивое желание переплавить их, ибо необработанный металл стоил дороже. Давайте попытаемся представить, как могли работать денежные средства, состоящие из пеланоров. Предполагается наличие монетного двора – как и в государствах, пользующихся серебряной монетой. Однако трудно понять, как эта казна могла вести дела с помощью железной валюты в виде жетонов. Считается, что монетные дворы у греков чеканили деньги из слитков из золотых или серебряных рудников, из серебра, захваченного в качестве военного трофея, из посвященных или конфискованных серебряных предметов, из чужих монет, из местных поврежденных или стершихся монет. Так что, видимо, и спартанские власти облагали податью в виде слитков перизков, добывающих железную руду. Монетные дворы, впрочем, приносили доход благодаря монетным пошлинам и надбавке, которая устанавливалась к курсу местной валюты по сравнению со стоимостью серебряных слитков и иностранной валюты; напротив, изготовитель пеланоров *уменьшал* стоимость своей валюты по сравнению с ценой необработанных слитков. Получается, что такой монетный двор дотировал себе в ущерб добычу и торговлю железом, так как всегда можно было бы получить прибыль из переработки денег в сырой металл. Кроме того, трудно уяснить, как пеланоры вводились в обращение. Спартанские власти не имели обычных каналов распространения, таких как оплата своих приобретений, заработная плата, иные выплаты. Они не нуждались в выпуске монет для того, чтобы затем собрать их в виде налогов, ибо обложение существовало в форме повинностей и натуральных взносов. Никто не упоминает о каком-либо рынке, приспособленном к пеланорам. Вероятно, любой кузнец мог легко изготовить их. Единственной гарантией их легитимности была закалка в уксусе.

Система денег-жетонов не является по своей сути несовместимой с серебряными деньгами, если только железным жетонам позволяют приобрести свой валютный курс через рыночные механизмы. В критских законах V в. засвидетельствованы штрафы, исчисляемые в котлах и треножниках. Эгинские монеты и местные эмиссии составляли денежные ресурсы Крита. Использование квази-монетарных средств на-

ряду с монетами было спасительным средством для тех экономик, которые ощущали нехватку валюты. Об этом же свидетельствует практика частой перечеканки. Парадокс спартанской денежной системы в том и состоит, что здесь была проявлена государственная воля, дабы устранить эту возможность с помощью уксуса. Еще раз повторю, искусственно заниженная официальная стоимость предполагала устойчивое искушение переплавлять пеланоры и извлекать выгоды просто от использования полученного железа для натурального обмена.

Изначальная цель пеланоров не функциональная, а символическая. На Крите квази-монетарные средства сочетались с серебряными монетами в нарождающейся кредитно-денежной экономике. В Лаконии, напротив, квази-монетарные средства в виде железных денег представляли собой непривлекательную альтернативу для безденежного обмена натуральными продуктами либо ремесленными изделиями. Неподатливые, но все же способные к применению пеланоры могли рассматриваться как более приемлемое препятствие обращению серебряных монет, нежели полное запрещение всяких денег вообще. Закостеневшая натуральная экономика, получив поддержку в виде легального статуса пеланоров, продолжила свое существование.

Но можем ли мы заключить, что пеланоры фактически никогда не использовались? Нет! Существовала одна сфера, где власти могли предписать использование железных денег, и никакие соглашения частного характера были не в силах нарушить этот порядок: речь идет о некоторых выплатах государству и особенно о штрафах. Неподатливость пеланоров даже повышала карательный характер таких выплат.

МОНЕТАРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ

Перед тем, как мы пойдем далее, следует осознать, что термины *идеология* и *идеологический* многократно подвергались обсуждению, и здесь необходимо дать их интерпретацию. Идеология – это всеобъемлющая систематизация культурных ценностей, достигающая чрезвычайно высокой степени выразительности, где внешняя выразительность и структурная выразительность отражают одна другую. Согласно такому взгляду, впрочем, не всякий социальный нормативный порядок квалифицируется как идеология. Идеология предлагает характерное формулирование экзистенционального смысла человеческой группы, которое по сути своей *неисторично*. Дело не только в том, что это формулирование не использует историческую методологию, в частности, при обращении к причинной связи, но оно еще и в качестве своего прообраза имеет такое эмоциональное восприятие, в котором настоящее и прошлое должны соразвиваться. Таким образом, идеология описывает мир, который по своей природе предопределен.

Так что в своем стремлении объяснить все относящиеся к делу факты она ставит проблему границы между явным исполнением социальных ролей и приспособленческим индивидуальным поведением, основанным на оценках персонального интереса.

Наши источники дают некое целостное изображение спартанских железных денег, представляя их как элемент законодательной программы, происходящей из доисторического времени. Уже при первых имеющихся в нашем распоряжении упоминаниях, относящихся к нач. IV в., обращение к железным деньгам представляло собой способ высказать мнение автора о степени приверженности экономическим нормам предполагаемого 'Ликургова' строя. В ранних обществах, обладающих литературой, такое обращение к изначальной идеологической системе наиболее часто случается в тех контекстах, где содержится утверждение, что отклонение от изначальных норм уже произошло. В обстановке строгого социального регулирования главный вызов преобладающей системе возникает – как нарастающая тенденция – из поведенческих привычек, формируемых благодаря стремлению личности выбрать для себя наилучшее решение. По большей части спартанская историография получила железные деньги в их собственных терминах и трактовала их в качестве работающего социального механизма. Как идеологический признак железные деньги убеждали спартанцев, что они преуспели более – по сравнению с иными греками – в подавлении поведения, отклоняющегося от нормы и характерного для архаической аристократии: наглость (*ὕβρις*), жадность (*πλεονεξία*) и роскошь (*τρυφή*). Использование железных денег служило воплощением благоразумия (*σωφροσύνη*), справедливости (*δίκη*) и аграрно-гоплитского коммунизма.

'Ликургова' монетарная идеология может также быть расшифрована через демонстрацию ее зеркального отображения в древних представлениях неспартанских 'денежных экономик' Пелопоннеса. Здесь главным соперником спартанской гегемонии был Аргос, а Федон рассматривался как наиболее успешный поборник аргосских устремлений. Не случайно именно экономическая система, созданная Федоном, стала альтернативой для 'Ликургова' монетарного порядка. Он был претендентом на то, чтобы считаться 'первооткрывателем' монетной системы, отчеканив впервые серебро на Эгине. Если Ликург легализовал лишь железные деньги, Федон узаконил деньги из драгоценного металла. Он создал особое средство обращения, эгинские 'черепахи', применение которых бросало вызов спартанской бартерной экономике и использованию пеланоров. В то время как Ликург изымал золотые и серебряные монеты, Федон изымал и посвящал в аргосский Герон район железные или бронзовые спицы. Геродот приписывает Федону

установление системы мер для Пелопоннеса. Так что в отличие от Ликурга, учредившего с помощью законов строгий образ жизни для спартанцев, Федон создал первую версию той экономики, которая позднее стала обычной для пелопоннесцев, имевших одни и те же региональные деньги, стандарты и систему мер.

Это сообщение примечательно своими историческими несуразницами. Они, впрочем, помогают нам приблизиться к истине. Чем менее историчной становится монетарная деятельность Федона, тем она более уравнивает анахронизм денежной программы еще менее историчного Ликурга. Примечательно, что первыми авторитетными источниками, указавшими на Федона как на монетарного государственного деятеля, были Эфор, писавший в сер. IV в., его более молодой современник Гераклид Понтийский и, наконец, Аристотель или, вернее, «Полития» какого-то перипатетика. Как мы видели, Эфор также трактовал лисандровский приток драгоценных металлов в Спарту как некий исторический рубеж. Перипатетические конституционные компиляции являются наиболее вероятными опосредованными источниками для Плутарха в его описании спартанских железных денег. Что касается Эфора, особо отметим контуры некоторых его всеобъемлющих тем. Он включил денежную систему Федона в описание Аргоса, пребывающего в неустойчивом состоянии между притязаниями царской власти и стремлениями демоса к автономии. Поэтому 'Ликургова' система одерживала верх вплоть до той поры, пока не выяснилось, что она не подходит для войны с афинянами. Только тогда допустили ослабление запретов на использование денег и приобретение драгоценных металлов. В итоге спартанцы опустились до деморализации, которую вызывает жадность.

НАЧАЛО СПАРТАНСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДЕНЕГ

При реконструкции денежной истории Лаконии мы должны проанализировать Ликургову идеологию экономического поведения, чтобы раскрыть *историческую последовательность* вместо того, чтобы говорить об этой идеологии как о воплощении некой вечной парадигмы. С этой целью мы должны исследовать несоответствия и выявить разлом, что лежит между идеологическими догматами и фактическим поведением. Начнем с вопроса о взаимосвязи трех черт, характерных для традиционной картины: запрещение частного владения золотом и серебром, запрет на использование монет, монополия железных денег. Если рассматривать возникновение этих элементов как отдельные события, в каком хронологическом порядке они должны быть расположены?

Лишь один элемент можно приблизительно датировать: запрет на использование монет мог появиться, когда серебряные деньги стали

общераспространенными. Самый ранний региональный монетный двор на Эгине начал чеканку между 580 и 540 гг. Иные пелопоннесские города приняли эгинский стандарт. Об эгинских «черепахах» (статерах) говорили как о «монетах Пелопоннеса». Они чеканились в весьма небольшом количестве вплоть до 510-х гг. Чуть позже эгинская чеканка становится более распространенной, в связи с чем многие виды сделок приобрел теперь денежно-кредитную форму. В известных пелопоннесских кладах преобладают эгинские монеты, но ни один из них не датируется ранее 480-х гг. Присутствие древних эгинских монет в этих запасах демонстрирует, что начало протомонетарной экономики относится ко времени до 500 г. В свете регионального обмена спартанское изгнание монет – это запрет на использование именно эгинских денег. Применение серебряных монет в Спарте, видимо, не подвергалось запрету ранее последней четверти VI в., то есть до Клеомена I.

Окончательное признание пеланоров как официальных денег могло базироваться на более ранней практике обмена. Архаические греки рассматривали определенные ремесленные изделия в качестве мерила ценности (например, 'вертела' или 'котлы'). Эти относительно стандартные по форме ремесленные изделия сначала становятся обозначениями или носителями материальной ценности в посвящениях и в дарах, затем превращаются в некие символы или единицы в примитивных ценовых расчетах. Спартанские железные деньги отходят от этой практики в некоторых важных аспектах. Пеланор, прежде всего, не применим в качестве какого-либо инструмента или утвари. Далее, закалка в уксусе не характерна для предметов, использовавшихся как мерила ценности. Наконец, такая закалка была условием для присвоения искусственной ценности. Эти особенности отделяют обращение посредством пеланоров от архаизирующего сохранения более ранней практики.

Эти характерные черты не могли возникнуть до начала чеканки из серебра. Маловероятно, чтобы искусственная цена была присвоена железным жетонам до прочного укоренения идеи о том, что власть, занимающаяся чеканкой, повышает ценность монеты по сравнению с необработанным слитком. То, что цена пеланора могла быть определена в пол-обола, явилось результатом распространения фракционной чеканки между 510 и 500 гг. Роль пеланоров как 'контр-денег' свидетельствует, конечно, о такой ситуации, когда серебряные монеты уже преобладают в региональной торговле, что наши источники хорошо осознавали.

Тогда как запрет на применение монет можно поместить между 525 и 500 гг., а официальную монополию для железных денег на кон. VI или даже на нач. V в., восприятие публичного обращения серебра

и золота появляется намного раньше. Такое ограничение является обязательной формой законодательства против роскоши и как таковое сродни различным ограничениям по поводу похорон, одежды, посвящений и других форм социальной презентации, направленной на то, чтобы отличать аристократов от остальных членов общины и, во вторую очередь, чтобы заявить претензию на высшую власть. Этот тип законодательства часто ассоциируется с архаическими законодателями с характерными примерами, приписываемыми Периандру и Солону. Аналоги за пределами Лаконии тяготеют скорее к периоду ок. 600, чем 500 г. Явная демонстрация элитной материальной культуры в Лаконии VII столетия, зафиксированная археологически и отраженная в «Парфениях» Алкмана, нейтрализовалась импульсами к ее подавлению в их ранних формах. Такое подавление откровенной демонстрации богатства согласуется с институционализированными узами 'однородности', включая растянутую во времени систему воспитания (агоге), высокоорганизованные трапезы с их военизированным духом и придание политической окраски системе клеров с ее зависимым трудом.

Традиция, связанная с лаконским мудрецом Аристодемом, помогает понять, как Спарта была исключена из нарождающейся пелопоннесской монетарной экономики. Аристодем был претендентом на включение в список Семи мудрецов. Андрон Эфесский в своем труде «Треножник» сообщает, что приз за мудрость был отдан Аристодему, который вручил его своему соотечественнику Хилону. Дикеарх помещает Аристодема в группу из шести мудрецов, из которых следовало выбрать трех для добавления к четырем, уже согласованным. В отношении Аристодема статус мудреца подтверждается единственным афористическим высказыванием, впервые атрибутированным ему Алкеем: «Деньги есть человек» (экск. № 14). Фраза вошла в поговорку. Пиндар повторяет это высказывание во II Истмийской оде (экск. № 15). Аристодем жил, вероятно, во 2-й пол. VI в. Это страстное заявление приобретает наилучший смысл, будучи отнесенным ко времени, когда деньги впервые становятся известны в Пелопоннесе, но до того, как монетизация далеко продвинулась вглубь Лаконии. Контекстом этого высказывания была панэллинская аристократическая реакция на введение монеты, которая приспособила афоризм Аристодема к протесту против социальной мобильности. Практическая реакция, впрочем, была иной. Большая часть греческой элиты скорбела по поводу появления этой 'новой экономики', пользуясь в то же самое время богатствами, с ней связанными. Спартанцы отвергали ее, запретив обращение серебряных монет.

Случай, происшедший со спартиатом Главком, жившим в нач. VI в., иллюстрирует соблазны монетарной экономики. Геродот вкладывает

вает историю о нем в уста царя Леотихида, рассказавшего ее в Афинах в 480-х гг. для предостережения от незаконного удержания переданного на хранение вклада (Hdt. VI. 86). Главк, известный своей справедливостью, принял на хранение половину состояния одного милетского ксена. Общий смысл анекдота указывает, что получение Главком денег не являлось нарушением запрета на хранение монет. Никакого такого табу, видимо, еще не существовало, а подобный депозит защищался старинными ксеническими правилами. Значительный объем этого монетного вклада оказался, впрочем, настолько огромным искушением, что даже одних только сомнений Главка относительно его возврата оказалось достаточно, чтобы божество осудило его род на вымирание.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И МОНЕТАРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Большинство античных комментариев о спартанском *экономическом поведении* опровергает спартанскую претензию на равнодушие к деньгам. В «Алкивиаде I», чья принадлежность Платону сомнительна, говорится о великих запасах золота и серебра, стекающихся в руки спартиатов, без видимых следов их утечки оттуда (эксц. 16). И такая ситуация, видимо, сохранялась в течение нескольких поколений. В псевдоплатоновском «Гиппии Старшем» мы застаем этого великого софиста за оживленной остроумной беседой с Сократом. На риторическое предположение последнего о том, что, быть может, спартанцы избегают общения с Гиппием из-за нехватки у них денег (χρήματα), тот замечает, что этого-то у них предостаточно (эксц. 17). К IV в. страсть спартанцев к золоту, серебру и деньгам уже стала притчей во языцех. Кристаллизовавшись в оракуле о том, что Спарта погибнет из-за сребролюбия, спартанская жадность подчеркивалась в аттической драме военной поры. Как видно из эксц. 18 и 19, Платон в «Государстве» использует это рассуждение для критики олигархии.

Подобным образом строит свой обзор Афиней, черпая информацию у Посидония (эксц. 20). Посидоний иллюстрирует отход спартанцев от традиций Ликурга ссылкой на их обычай использовать аркадцев как попечителей вкладов в драгоценных металлах. Это были, видимо, 'гостеприимцы' влиятельных спартиатов, выполнявшие для них ту же службу, что и Главк для своего милетского ксена. Феномен вкладов в Аркадии иллюстрирует, возможно, одна бронзовая пластина с надписью аркадским письмом, но на лаконском диалекте, найденная в Тегее и датируемая временем после 450 г. (IG V. 2. 159). Надпись содержит условия выплаты двух депозитов, в 200 и в 400 мин, внесенных, видимо, в сокровищницу Афины неким Ксуфием, сыном Филахайя. Вклады такого объема не были заурядным делом. Ксуфий – богач, ибо он кладет на хранение, по крайней мере, 6 талантов, 4000 драхм. Яв-

ные следы активности спартанцев на состязаниях за пределами Лаконии также могут иметь материальную основу в таких авуарах, помещенных на хранение в иностранных культовых центрах.

В течение VI в. мы сталкиваемся иногда со своего рода 'противопожарной стеной', выстраиваемой вокруг денег, спрятанных в элитных домах и накопленных за границей, для сохранения социального и гражданского взаимодействия. Наличие этой 'демаркационной линии' отличает Спарту от других пелопоннесских государств. Пелопоннесцы свои личные дела (а в конечном счете и публичные) все чаще вели с помощью денег. Со временем они начинали собственную чеканку, ориентируясь на эгинский стандарт. Местная денежная циркуляция обеспечивала монетными резервами аристократические ойкосы, вокруг которых и вращались деньги. Напротив, спартанцы утвердили пеланоры в качестве законного платежного средства. Любые монетные резервы в Лаконии сохранялись в секрете либо пребывали в 'оффшоре'. И пополнялись они, соответственно, по скрытым каналам.

Хотя правовой ранг пеланоров поддерживал бартерную экономику, проникновение монетарного сознания во все сферы спартанской жизни поразительно. Наш краткий обзор начнем с правительственной деятельности. Когда спартанские послы отправлялись за рубеж, они должны были получать некое обеспечение для своих расходов. Геродот подтверждает эту практику для кон. 490-х гг.: Демарат получает 'дорожные деньги' (εφόδια) на путешествие в Дельфы через Элиду (Hdt. 6. 70. 1). Традиция сохранила примеры использования правительством денег для достижения некоторых целей (например, попытка завербовать провидца Тисамена – Hdt. 9. 33. 3; Paus. 3. 1. 7). Трудно понять, как дальние экспедиции могли обходиться без денежного обеспечения, на что может указывать поход против Поликрата Самосского.

Распродажа спартанской добычи засвидетельствована после Платейской битвы 479 г., хотя илоты торговали ей нелегально. С другой стороны, купцы надеялись сделать деньги, ведя бизнес со спартанским войском. Так, Клеомен захватил торговые корабли в 494 г. Хорошо засвидетельствовано субсидирование дальних операций за счет распродажи военной добычи. Посредство денег было необходимо для посвящения трофеев, вероятно, уже в Платейской битве. Более того, чтобы воевать с афинянами, спартанцы нуждались в обычном фискальном аппарате. Одна надпись, известная как «Спартанский военный фонд», указывает на сбор средств в 427 г. Спартанцы использовали наемников со времен Архидамовой войны. В период Ионийской войны такая практика становится нормой, включая использование персидских субсидий. Спартанцы расплачивались аттическими монетами и их дубликатами, употребляя также эгинские и хиосские деньги.

После Эгоспотамов гегемонистское управление, целиком построенное на фискальной основе, получило мощный импульс. Здесь можно указать на монеты, чеканившиеся тогда спартанскими союзниками, с изображением на аверсе Геракла-ребенка, душащего змею. Эти хиосско-родосские стандартные тридрахмы, равные эгинским статерам, имели аббревиатуру ΣΥΝ, означающую, вероятно σὺνταξις. В то же самое время Лисандр обложил союзников Спарты налогом в 1000 талантов, что послужило причиной политического кризиса, описанного Плутархом в его «Лисандре».

Использовались монеты и во внутренних делах в самой Лаконии. Прежде всего, злоупотребление деньгами в политике имело у спартиатов богатую историю, начиная с самых ранних примеров коррупции в правление Клеомена. Наиболее известны, впрочем, пресловутые примеры подкупа Периклом Клеандра, отца Гилиппа, и, возможно, других влиятельных спартанцев. Удивительно, что спартанское правительство налагало штрафы, исчисляемые в серебряных монетах начиная, по крайней мере, уже с наказания Плейстоанакса в 446 г. Неподъемный штраф в 15 талантов обрек его на изгнание. В 418 г. Агису угрожало более тяжкое наказание в 100 тыс. драхм. Два примера из IV в. относятся к спартиатам не из царских родов: Фебид был оштрафован на 100 тыс. драхм за захват Кадмеи в 382 г.; за утрату все той же Кадмеи был наказан огромным штрафом Лисандрид.

Остается загадкой, как можно было выплатить такой штраф при условии, что частное обладание настоящими деньгами было запрещено. Теоретически можно было бы предположить, что выплата осуществлялась железными деньгами. В самом деле, могли ли штрафы парадоксальным образом исчисляться в серебре, а расчеты производиться только железными пеланорами? Если мы представим себе практическое осуществление выплаты такого штрафа, это будет очаровательное зрелище, ибо штраф в 100 тыс. драхм должен был бы состоять из 1 млн. 200 тыс. пеланоров, что равняется 7368 тоннам железа. Легко понять, почему такие приговоры были равносильны изгнанию, так как на практике они были невыполнимы. Прецедент, согласно которому эти штрафы должны были уплачиваться в пеланорах, мог бы объяснить позицию противников Лисандра ок. 400 г. При всей своей непрактичности, пеланоры сохраняли свою потенциальную функциональность.

Последний аспект проникновения монетарного сознания касается базисных социальных обязанностей. К сер. IV в. ежемесячные столовые взносы показывают значение денежного фактора. Дикеарх в «Триполитике» сообщает, что каждый участник сисситии должен платить по 10 эгинских оболов для поставки основных продуктов (ὄψω-ις) (FHG 2.242 fr. 23). Плутарх в «Ликурге» говорит о том, что требо-

валось вносить небольшую сумму денег (Plut. *Лус.* 12. 3). Денежное мышление становится настолько всеобъемлющим, что нет уже иного способа выразить эту обязанность, кроме как обозначить ее в терминах чеканной монеты. Такая калькуляция взносов, вероятно, представляет собой приспособление к мирным условиям правил, действовавших для застолий во время военных кампаний, ибо для них продукты уже давно приобретались за звонкую монету.

Не является ли наше впечатление о высокой степени монетарного сознания у спартанцев в V и IV вв. просто результатом возросшего числа источников в этот период? Это не вполне ясно. Тем не менее кажется очевидным, что реальное использование денег, а также и монетарные расчеты возросли в период после 500 г.

МЫСЛИ О МОНЕТАРНОЙ ИСТОРИИ СПАРТЫ ВНУТРИ ПЕЛОПОННЕСА

Железные деньги Спарты можно рассматривать как компонент идеологической системы. С другой стороны, мы можем отметить их практическую роль в качестве некоего оплота против внедрения монетарной экономики. Как бы то ни было, основанная на давнем обычае кредитная система Спарты находилась в динамически напряженной связи с экономическими условиями, преобладающими повсюду в Греции. Противоборство спартанцев монетизации, видимо, предшествовало узаконению функции железных денег, которое произошло в VII в. вместе с кристаллизацией 'Ликургова' строя. Спарта в период средней архаики использовала благоприятную возможность, предоставленную полисной структурой, для увеличения размера своей фаланги, сделав гоплитский класс совпадающим с гражданским коллективом. Результатом стала огромная военная сила, причем этот политический строй был сопряжен с относительно стабильными политическими методами и с такой процедурой принятия решений, которая отвергала всякий риск.

Спартанцы поддерживали эту гоплитскую политику, сокращая могущество элиты. В этой реорганизации Спарта не только отклонилась от общего для всех пути развития, но отошла и от своей собственной институциональной формы периода региональной консолидации Южной Лаконии и первой экспансии в Мессении. В этой ранней форме высший класс укрепил свое внутреннее влияние, поставив более слабых членов общины в зависимость, имея привилегированный доступ к ресурсам и применяя лучшую организацию для использования возможностей морской деятельности (как в отношении коммерции, так и в отношении колонизации). Притязание элиты грубо и неприкрыто проявлялось в поглощении несоразмерно большой доли выгод, получаемых от военной добычи, захватах земель и колонизации, что осуществлялось на базе основных средств элиты, ее мобилизационных

возможностей и ее мастерства в сфере аристократического военного искусства. Экология, география и, возможно, плотность населения Южного Пелопоннеса препятствовали полному раскрытию этих возможностей, но все же Спарта ранней архаики по своей социальной структуре в большей степени походила на современный ей Аргос, нежели на 'Ликурову' Спарту.

Спарта ранней архаики добилась необыкновенного успеха в установлении политической гегемонии над значительной территорией, и 'Ликуров' строй эксплуатировал это расширенное пространство. Дискуссионные детали моей интерпретации не могут быть рассмотрены здесь в подробностях. Сейчас следует, скорее, предложить эскиз 'Ликуровой' экономики. В VII в. спартанцы провели перераспределение земли (вместе с прикрепленными к ней работниками), находившейся вне основной территории более раннего полиса. Распределялась плодородная земля, обрабатываемая зависимыми работниками, чья плотность упала ниже определенного порога, так что их поселения не квалифицировались как *комы*. Перизкские городки, изначально занимавшие худшие земли, создавались для удержания остальной спартанской территории и, в добавление к этому, брали на себя всевозможные несельскохозяйственные ресурсы общины.

Те, кто получил реорганизованные клеры, вошли в состав полноправного гражданского класса Спарты. Перспектива участия в распределении клеров оставалась реальной в течение определенного времени. Первоначально при переходе по наследству клеры не делились между сонаследниками. Появление различных ограничений на использование монет было направлено как на то, чтобы помешать не запрещенной аккумуляции богатств на базе перспективной экономической деятельности, так и на то, чтобы исключить любую *следующую за этим* дифференциацию в статусе. Рассматривая 'Ликуров' монетарный порядок в развитии, можно заметить, что он создает ситуацию сомнительного равновесия, в которой принципы однородности, простоты и игнорирования экономических возможностей якобы защищались от обычаев, характерных для остальной Греции.

Перераспределение создало класс *гомеев* (ῥομοί). Это смягчило, но не уничтожило экономических различий, унаследованных от более традиционного распределения собственности эпохи ранней архаики внутри основной гражданской территории. Таким образом, Спарта закрепила социальный статус своей элиты, претворяя в жизнь гоплитскую политику. Хотя аристократы сохранили материальные средства для демонстративного потребления, распространенные модели несдержанного показа своих возможностей подверглись запрещению, исключая некоторые виды атлетических состязаний и религиозного

поведения. Для лаконской элиты консолидация класса *гомеев* провела более строгую границу между частной и публичной сферами, нежели то было у остальных греков. Как уже отмечалось в литературе, сокровенные уголки внутренней жизни элитных *ойкосов* походили на соответствующие элементы за границей. Осуждение показного обладания драгоценными металлами поставило проблему разграничения частного и публичного. Нерешенная проблема этой границы сохранилась в качестве центрального социального феномена.

Могущество Спарты было во многом обязано сведению социальных взаимоотношений к высоко сочлененным и упрощенным формулировкам, замедлению эволюции групповой и индивидуальной самобытности, подавлению социальной мобильности, а также к господству стереотипов, при посредстве которых осуществлялся оборот материальных благ. Строгость этой социальной структуры, обеспечивавшая не в малой степени ее силу, в конечном итоге затрудняла прибыльный обмен, поскольку Спарта во многом утратила возможность использовать автономный адаптационный механизм, возникающий из взаимодействия отдельных институтов общества.

Лаконская материальная культура оставалась сопоставимой с культурой соседних регионов до 550 или 525 г. Почти повсюду по соседству циркуляция товаров осуществлялась посредством бартера, что иногда приводило к использованию квази-монетарных средств. Быть может, ранняя версия пеланоров стала одним из таких средств внутри Лаконии. В Спарте пониженное стремление к потреблению предметов роскоши, престижных и статусных товаров тормозило приток и другой продукции. Все же укрепление 'Ликургова' строя предлагало некие экономические преимущества. В сельском хозяйстве урожаи росли благодаря увеличивающимся трудовым ресурсам и внешней колонизации. Прочные политические условия позволяли перизкским ремесленникам обслуживать эту аграрную экономику. Тем не менее, неудобства бартерной экономики и искусственно созданные трудности кредитной системы неуклонно возрастали по мере того, как коммерция, осуществляемая посредством звонкой монеты, становилась доминирующей в Греции. Эти ущербы превысили очевидные недостатки, связанные с тем, что здесь были принесены в жертву транспортабельность, делимость, доступность и общее признание спартанских денег. Натуральное хозяйство поплатилось такими выгодами монетарных цен, как количественная информация о состоянии рынков. Вместо развития в сторону единой экономики, бартерное хозяйство в условиях полиса создавало своего рода архипелаг экономических секторов и отдельных рынков. Многие знания, энергия и физические ресурсы расточались, используясь, видимо, неэффективно при взаимодействии

между ячейками этой экономики.

Такое отсутствие интеграции отражается на поведенческом уровне. К кон. V в. спартанское монетарное поведение характеризовалось диссонансом сознания⁶, вопреки репутации спартиатов, согласно которой для них характерна высокая степень социальной сплоченности и индивидуальная приверженность нормам. Циркуляция материальных богатств в Лаконии официально олицетворялась санкционированными стереотипными перемещениями ресурсов между социальными группами, чему служили бартер и железные деньги. На деле спартанцы оценивали товары в терминах серебряных денег.

Сверх того, более общепринятое монетарное поведение как в 'оффшоре', так и в стороне от публичной инспекции, осуществлялось аналогично современной 'черной экономике', предполагая деятельность, скрытую от официальной проверки и налогообложения. Ни один античный полис не обладал достаточным механизмом подавления экономических нарушений, совершаемых частными контрагентами за пределами агоры. Государство могло лишь иногда примерно наказать какое-нибудь отдельно взятое лицо, нарушившее правила слишком явно. Попутно заметим, что 'Ликургов' кредитно-денежный порядок соотносится с практикой ксенеласий, ибо огульный способ искоренения иностранных 'носителей' запрещенного поведения был наиболее соблазнительным.

Великое землетрясение 465 г. обусловило первое существенное потрясение 'Ликурговой' системы. С тех пор новшества, относящиеся к наделению клерами и к праву наследования, имели негативные последствия для социального равновесия, ибо сопутствующие регуляторы не могли помочь сохранению социальной структуры в целом. Вместе с тем, попытки достижения семейного экономического успеха, кажется, усилились, так как некоторые ойкосы получили характерную выгоду из последствий землетрясения. Во время Пелопоннесской войны афинские рейды и бегство илотов обусловили второе великое потрясение системы. Спартанская социальная энтропия приобрела особую форму *олигантропии* ('нехватка людей'), которая означала прежде всего неспособность спартиатского класса сохраняться количественно. На фоне общества, номинально свободного от чеканной монеты, спартанское стремление к богатству кажется другим грекам особенно возму-

⁶ *Cognitive dissonance* – диссонанс сознания, психологическое понятие, означающее внутренний конфликт, вызванный двумя противоположными 'знаниями' об одном предмете (чувствами, мнениями, внутренними и внешними установками и т.п.); это состояние субъект переживает как дискомфорт, от которого стремится избавиться, изменив один из элементов противоречивых 'знаний' или введением нового элемента (*прим. переводчика*).

тительным из-за их, спартанцев, сребролюбия. Эта 'страсть к деньгам' (φιλαργυρία) бросалась в глаза, так как чеканная монета становилась средством решения проблем внутри традиционной немонетарной циркуляции товаров, как и в связи с доходами с клеров, взносами в сисситии и с управлением самими сисситиями. А лучшим средством для добывания денег была внешняя военная и политическая активность, оказавшаяся наиболее разрушительной для репутации Спарты.

ΕΚΣΕΡΠΤΥ

1) Pollux 7.105: ὀβελοὶ σιδηροῖ νόμισμα σιδηροῦν τὸ Λακεδαιμονίων καὶ Βυζαντίων.

2) Pollux 9.79 (cf. Strattis fr. 37, *PCG* 7.640): σιδηρῷ δὲ νομίσματι καὶ Λακεδαιμόνιοι χρῶνται, ἐκ πολλοῦ ὄγκου ὀλίγον δυναμένῳ· ὄξει δ' αὐτοῦ τὴν ἀκμὴν εἰς τὸ ἄτομον κατασβεννύσιν.

3) Plut. *Lyc.* 9.1-5: 'Επιχειρήσας δὲ καὶ τὰ ἐπιπλα διαίρειν, ὅπως παντάπασιν ἐξέλοι τὸ ἀνισον καὶ ἀνώμαλον, ἐπεὶ χαλεπῶς ἑώρα προσδεχομένους τὴν ἀντικρὺς ἀφαίρεσιν, ἑτέρα περιήλθεν ὁδὸ καὶ κατεπολιτεύσατο τὴν ἐν τούτοις πλεονεξίαν. πρῶτον μὲν γὰρ ἀκυρώσας πᾶν νόμισμα χρυσοῦν καὶ ἀργυροῦν μόνῳ χρῆσθαι τῷ σιδηρῷ προσέταξε· καὶ τούτῳ δὲ ἀπὸ πολλοῦ σταθμοῦ καὶ ὄγκου δύναμιν ὀλίγην ἔδωκεν, ὥστε δέκα μῶν ἀμοιβὴν ἀποθήκης τε μεγάλης ἐν οἰκίᾳ δεῖσθαι καὶ ζεύγους ἄγοντος. 2 τούτου δὲ κυρωθέντος ἐξέπεσεν ἀδικημάτων γένη πολλὰ τῆς Λακεδαιμόνος. τίς γὰρ ἢ κλέπτειν ἐμελλεν ἢ δωροδοκεῖν ἢ ἀποστερεῖν ἢ ἀρπάζειν ὃ μῆτε κατακρύψαι δυνατόν ἦν μῆτε κεκτῆσθαι ζηλωτὸν, ἀλλὰ μῆδὲ κατακόψαι λυσιτελές· ὄξει γάρ, ὥς λέγεται, διαπύρου σιδήρου τὸ στόμωμα κατασβέσας ἀφείλετο τὴν εἰς τάλαντα χρεῖαν καὶ δύναμιν, ἀδρανούς καὶ δυσέργου γενομένου. 3 Μετὰ δὲ τούτῳ τῶν ἀχρήστων καὶ περισσῶν ἐποιεῖτο τεχνῶν ξενηλασίαν. ἐμελλόν δὲ ποῦ καὶ μηδενὸς ἐξελαύνοντος αἱ πολλὰ αὐτῷ κοινῶ νομίσματι συνεκπεσεῖσθαι, διάθεσιν τῶν ἔργων οὐκ ἐχόντων. τὸ γὰρ σιδηροῦν ἀγώγιμον οὐκ ἦν πρὸς τοὺς ἄλλους 'Ελλήνας οὐδ' εἶχε τιμὴν καταγελῶμενον, ὥστε οὐδὲ πρίασθαι τι τῶν ξενικῶν καὶ ρωπικῶν ὑπῆρχεν, οὐδ' εἰσέπλει φόρτος ἐμπορικὸς εἰς τοὺς λιμένας, οὐδὲ ἐπέβαινε τῆς Λακωνικῆς οὐ σοφιστῆς λόγων, οὐ μάντις ἀγυρτακός, οὐχ ἑταιρῶν τροφεύς, οὐ χρυσῶν τις, οὐκ ἀργυρῶν καλλωπισμάτων δημιουργός, ἅτε διὰ νόμισματος οὐκ ὄντος. 4 ἀλλὰ οὕτως ἀπερμηθθεῖσα κατὰ μικρὸν ἡ τρυφή τῶν ζωπυρούντων καὶ τρεφόντων αὐτὴ δι' αὐτῆς ἐμαραινέτο· καὶ πλείον οὐδὲν ἦν τοῖς πολλὰ κεκτημένοις, ὁδὸν οὐκ ἐχούσης εἰς μέσον τῆς εὐπορίας, ἀλλ' ἐγκαταφθοδομημένης καὶ ἀργούσης.

4) Plut. *Mor.* 226.B-D: καὶ τῶν χρεῶν δ' ἀποκοπὰς εἰσηγησάμενος ἐπεχείρησεν καὶ τὰ κατ' οἶκον ὄντα πάντα ἐξ ἰσοῦ διαίρειν, ὅπως παντάπασιν ἐξέλοι τὸ ἀνισον καὶ ἀνώμαλον. ἐπεὶ δὲ χαλεπῶς ἑώρα προσδεχομένους τὴν ἀντικρὺς ἀφαίρεσιν, τὸ τε χρυσοῦν καὶ ἀργυροῦν νόμισμα ἠκύρωσε, μόνῳ δὲ τῷ σιδηρῷ προσέταξε χρῆσθαι· καὶ μέχρις οὗ δεῖ ἔχειν τὴν ὅλην ὑπαρξιν πρὸς ἀμοιβὴν τούτου, περιώρισε. τούτου δὲ γενομένου ἐξέπεσε τῆς Λακεδαιμόνος ἀδικία πᾶσα· οὔτε γὰρ κλέπτειν οὔτε δωροδοκεῖν οὔτε ἀποστερεῖν ἢ ἀρπάζειν ἐπὶ ἐδυνάτο τις, ὃ μῆτε κατακρύψαι δυνατόν ἦν μῆτε κτῆσασθαι ζηλωτὸν μῆτε χρήσασθαι

⁷ Все выделения в текстах принадлежат автору статьи (прим. переводчика).

ἀκίνδυνον μήτε ἐξάγειν ἢ ἐπάγειν ἀσφαλές. πρὸς δὲ τούτοις καὶ ἀπάντων τῶν περισσῶν ξηνηλασίαν ἐποιήσατο· διὸ οὐτ' ἐμπορος οὔτε σοφιστὴς οὔτε μάντις ἢ ἀγύρτης οὔτε τῶν κατασκευασμάτων δημιουργὸς εἰσῆει εἰς τὴν Σπάρτην. οὐδὲ γὰρ νόμισμα παρ' αὐτοῖς εὐχρηστον εἶασε, μόνον δὲ τὸ σιδηροῦν εἰσηγήσατο, ὃ ἐστὶ μνᾶ βלקῆ Αἰγιναία, δυναμίει δὲ χαλκοὶ τέσσαρες.

5) Plut. Cato 30.1: ὅτι μὲν δὴ τῆς πολιτικῆς ἀνθρώπος ἀρετῆς οὐ κτᾶται τελειότεραν, ὁμολογούμενον ἔστι· ταύτης δὲ που μῦριον οἱ πλείστοι τὴν οἰκονομικὴν οὐ σμικρὸν τίθενται· καὶ γὰρ ἡ πόλις, οἰκῶν τι σύστημα καὶ κεφάλαιον οὖσα, βῶννυται πρὸς τὰ δημόσια τοῖς ἰδίοις βίοις τῶν πολιτῶν εὐθενοῦντων, ὅπου καὶ Λυκούργος, ἐξοικίσας μὲν ἀργυρον, ἐξοικίσας δὲ χρυσὸν τῆς Σπάρτης, νόμισμα δὲ διεφθαρμένον πύρι σιδήρου θέμενος αὐτοῖς, οἰκονομίας οὐκ ἀπῆλλαξε τοὺς πολίτας, ἀλλὰ τὰ τρυφῶντα καὶ ὑπουλα ἐρευνᾷται, καὶ φλεγμαίνοντα τοῦ πλοῦτου περιελών, ὅπως εὐπορήσωσι τῶν ἀναγκαίων καὶ χρησίων ἅπαντες, ὥς ἄλλος οὐδεὶς νομοθέτης προενόησε, τὸν ἄπορον καὶ ἀνέστιον καὶ πένητα σύνοικον ἐπὶ κοινῇ πολιτείᾳ μάλλον τοῦ πλουσίου καὶ ὑπερόγκου φοβηθεῖς.

6) Xen. RL 7.5-6: τὸ γε μὴν ἐξ ἀδίκων χρηματίζεσθαι καὶ ἐν τοῖς τοιοῦτοις διεκώλυσε. πρῶτον μὲν γὰρ νόμισμα τοιοῦτον κατεστήσατο, ὃ δεκάμνων μόνον ἀν εἰς οἰκίαν εἰσελθὼν οὔποτε δεσπότης οὐδὲ οἰκέτας λάθῃ· καὶ γὰρ χώρας μεγάλης καὶ ἀμάξης ἀγαγῆς δεοίτ' ἀν. χρυσὸν γε μὴν καὶ ἀργύριον ἐρευνᾷται, καὶ ἀν τί που φανῇ, ὃ ἔχων ζημιούται. τί οὖν ἀν ἐκεῖ χρηματισμός σπουδάζοιτο, ἔνθα ἡ κτήσις πλείους λύπας ἢ ἡ χρῆσις εὐφροσύνας παρέχει;

7) [Plato] Eryxias (400A-B): ἐν δὲ Λακεδαιμόνι σιδηρῷ σταθμῷ νομίζουσιν, καὶ ταῦτα μέντοι τῷ ἀχρεῖ τῷ σιδήρῳ· καὶ ὁ πολὺν σταθμὸν σιδήρου τοῦ τοιοῦτου κεκτημένος πλούσιος δοκεῖ εἶναι, ἐτέρῳ δ' οὐδενὸς ἄξιον τὸ κτῆμα. ... Σκῦθαις αἱ οἰκίαι οὐ χρηματὰ εἰσιν, ἡμῖν δέ, ἢ τοῖς Καρχηδονίοις μὲν τὰ δέρματα, ἡμῖν δ' οὐ, ἢ τοῖς Λακεδαιμόνιοις ὁ σιδηρὸς χρήματα, ἡμῖν δ' οὐ, ἀρ' ἀν οὕτως μάλιστα ἐξεύρομεν;

8) Hesychius s.v. πέλανον, π. 1286 Latte: τὸ τετράχαλκον. Λάκωνες.

9) Justin, *Epitome* 3.2.11-12: emi singula non pecunia, sed compensatione mercium iussit. Auri argenticque usum velut omnium scelerum materiam sustulit.

10) Polyb. *Hist.* 6.49.8-10: ἐπεὶ δὲ στόλους μὲν ἐπεβάλλοντο κατὰ θάλατταν ἐκπέμπειν, στρατεύειν δὲ πεζικοῖς στρατοπέδοις ἔξω Πελοποννήσου, δῆλον ὡς οὔτε τὸ νόμισμα τὸ σιδηροῦν οὐθ' ἡ τῶν ἐπετείων καρπῶν ἀλλαγὴ πρὸς τὰ λειποντά της χρεῖας ἔμελλεν αὐτοῖς ἐξαρκεῖν κατὰ τὴν Λυκούργου νομοθεσίαν· προσεδεῖτο γὰρ τὰ πράγματα κοινῷ νομίσματος καὶ ξενικῆς παρασκευῆς. ὅθεν ἠναγκάσθησαν ἐπὶ θύρας μὲν πορεύεσθαι τὰς Περσῶν, φόρους δὲ τοῖς νησιώταις ἐπιτάττειν, ἀργυρολογεῖν δὲ πάντας τοὺς Ἑλλήνας, γνόντες ὡς οὐχ οἷον τε κατὰ τὴν Λυκούργου νομοθεσίαν οὐχ ὅτι τῆς τῶν Ἑλλήνων ἡγεμονίας, ἀλλ' οὐδὲ πραγμάτων ἀναποιεῖσθαι τὸ παράπαν.

11) Plut. *Lys.* 17.1-5: ὁ μὲν οὖν Γύλιππος αἰσχρὸν οὕτω καὶ ἀγεννὲς ἔργον ἐπὶ λαμποῖς τοῖς ἐμποροῦσιν καὶ μεγάλοις ἐργασάμενος μετέστησεν ἑαυτὸν ἐκ Λακεδαιμόνιος. οἱ δὲ φρονιμώτατοι τῶν Σπαρτιατῶν οὐχ ἥκιστα καὶ διὰ τοῦτο τὴν τοῦ νομίσματος ἰσχὺν φοβηθέντες, ὡς οὐχὶ τῶν τυχόντων ἀπομένῃν πολιτῶν, τὸν τε Λύσανδρον ἐλοιδόρουν καὶ διεμαρτύραντο τοῖς ἐφόροις ἀποδιοπομπεῖσθαι πᾶν τὸ ἀργύριον καὶ τὸ χρυσίον ὥσπερ κῆρας ἐπαγωγίμους, οἱ δὲ προὔθεσαν γνώμην. 2 καὶ Θεόπομπος μὲν φησι Σκιραφίδαν, Ἐφόρος δὲ Φλογίδαν εἶναι τὸν ἀποφηνάμενον ὡς οὐ χρὴ προσδέχεσθαι νόμισμα χρυσοῦν καὶ ἀργυροῦν εἰς τὴν πόλιν,

ἀλλὰ χρῆσθαι τῷ πατρίῳ. τοῦτο δὲ ἦν σιδηροῦν, πρῶτον μὲν ὄξει καταβαπτόμενον ἐκ πυρός, ὅπως μὴ καταχαλκεύοιτο, ἀλλὰ διὰ τὴν βαφὴν ἀστομον καὶ ἀδρανὲς γίνοιτο, ἔπειτα βαρυστάθμον καὶ δυσπαρακόμιστον καὶ ἀπὸ πολλοῦ τινος πλήθους καὶ ὄγκου μικρὰν τινα ἀξίαν δυνάμενον. 3 κινδυνεύει δὲ καὶ τὸ πάμπαν ἀρχαῖον οὕτως ἔχειν, ὁβελίσκοις χρωμένον νομίσμασι σιδηροῖς, ἐνίων δὲ χαλκοῖς· ἀφ' ὧν παραμένει πλήθος ἔτι καὶ νῦν τῶν κεραμάτων ὁβολοὺς καλεῖσθαι, δραχμὴν δὲ τοὺς ἑξ ὁβολοῦς· τοσούτων γὰρ ἡ χεὶρ περιεδράττετο. 4 Τῶν δὲ Λυσάνδρου φίλων ὑπεναντιούμενων καὶ σπουδασάντων ἐν τῷ πόλει καταμεῖναι τὰ χρήματα, δημοσίᾳ μὲν ἔδοξεν εἰσάγεσθαι νόμισμα τοιοῦτον, ἀν δὲ τις ἀλῶ κεκτημένος ἰδίᾳ, ζημίαν ὥρισαν θάνατον, ὥσπερ τοῦ Λυκούργου τὸ νόμισμα φοβηθέντος, οὐ τὴν ἐπὶ τῷ νομίσματι φιλαργυρίαν, ἣν οὐκ ἀφῆρει τὸ μὴ κεκτησθαι τὸν ἰδιώτην, ὥς τὸ κεκτησθαι τὴν πόλιν εἰσεποιεῖτο, τῆς χρείας ἀξίαν προσλαμβάνουσης καὶ ζήλον.

12) Aris. *Pol.* 1271b10-18: φαύλως δ' ἔχει καὶ περὶ τὰ κοινὰ χρήματα τοῖς Σπαρτιάταις. οὔτε γὰρ ἐν τῷ κοινῷ τῆς πόλεως ἔστιν οὐδὲν πολέμους μεγάλους ἀναγκαζομένοις πολεμεῖν, εἰσφέρουσι τε κακῶς· διὰ γὰρ τῶν Σπαρτιατῶν εἶναι τὴν πλείστην γῆν οὐκ ἐξετάζουσιν ἀλλήλων τὰς εἰσφοράς. ἀποβέβηκε τὸν τοιαντίον τῷ νομοθέτῃ τοῦ συμφέροντος· τὴν μὲν γὰρ πόλιν πεποίηκεν ἀχρήματον, τοὺς δ' ἰδιώτας φιλοχρημάτους.

13) Xen. *RL* 14.3: καὶ πρόσθεν μὲν οἶδα αὐτοὺς φοβούμενους χρυσίον ἔχοντας φαίνεσθαι· νῦν δ' ἔστιν οὗς καὶ καλλωπιζομένους ἐπὶ τῷ κεκτησθαι.

14) Alcaeus fr. 360 L/P: ὥς γὰρ δὴ ποτ' 'Αριστόδαμον φαῖς' οὐκ ἀπάλαμνον ἐν Σπάρτᾳ λόγον· εἶπεν· χρήματ' ἀνὴρ, πένιχρος δ' οὐδ' εἰς πέλετ' ἔσλος <οὐδὲ τίμιος>.

15) Pin. *Isth.* 2.16-17: νῦν δ' ἐφίηται <τὸ> τώργειον φυλάξαι ρῆμ' ἀλαθείας ἀγχίστα βαῖνον, "χρήματα χρήματ' ἀνὴρ" ὅς φά κτεάνων θ' ἅμα λειφθεὶς καὶ φίλων, ἐσσι γὰρ ὧν σοφός...

16) [Plato] *Alcib.* 1. 122.D-123B: τοῦτο μὲν γὰρ εἰ ἐθέλεις <εἰς> τοὺς Λακεδαιμονίων πλοῦτους ἰδεῖν, γνώσῃ ὅτι πολὺ τὰνθάδε τῶν ἐκεῖ ἐλλείπει... [α δε-σξριπιον οφ τηε μαγιτυδε οφ ρεαλ προπερτυ οφ τηε Σπαρτανισ ιν λανδ, λιηεστοξκ, σλαηεσ, ανδ Ηελοτς] ἀλλὰ ταῦτα μὲν πάντα ἐὼ χαίρειν, χρυσίον δὲ καὶ ἀργύριον οὐκ ἔστιν ἐν πᾶσιν Ἑλλήσιν ὅσον ἐν Λακεδαιμόνιοι ἰδίᾳ· πολλὰς γὰρ ἤδη γενεὰς εἰσέρχεται μὲν αὐτόσε ἐξ ἀπάντων τῶν Ἑλλήνων, πολλάκις δὲ καὶ ἐκ τῶν βαρβάρων, ἐξέρχεται δὲ οὐδαμῶσε, ἀλλ' ἀτεχνῶς κατὰ τὸν Αἰσώπου μῦθον δὴν ἡ ἀλώπηξ πρὸς τὸν λέοντα εἶπεν, καὶ τοῦ εἰς Λακεδαιμόνα νομίσματος εἰσιόντος μὲν τὰ ἴχνη τὰ ἐκεῖσε τετραμμένα δῆλα, ἐξιόντος δὲ οὐδαμῇ ἀν τις ἴδοι, ὥστε εὖ χρὴ εἰδέναι ὅτι καὶ χρυσῷ καὶ ἀργύρῳ οἱ ἐκεῖ πλουσιώτατοι εἰσιν τῶν Ἑλλήνων, καὶ αὐτῶν ἐκείνων ὁ βασιλεὺς· ἐκ τε γὰρ τῶν τοιούτων μέγισται λήψεις καὶ πλεῖστα εἰσι τοῖς βασιλεῦσιν, ἔτι δὲ καὶ ὁ βασιλικὸς φόρος οὐκ ὀλίγος γίγνεται, δὴν τελοῦσιν οἱ Λακεδαιμόνιοι τοῖς βασιλεῦσιν.

17) [Plato] *Hippias Maior* 283D: (ΣΖ.) 'Αρ' οὖν χρημάτων ἐνδεία ἐφευγον τὴν σὴν ὁμιλίαν; (III.) Οὐ δῆτα, εἰπεῖ ἱκανὰ αὐτοῖς ἔστιν.

18) Plato *Republic* 548A-B: Ἐπιθυμῆται δὲ γε, ἦν δ' ἐγώ, χρημάτων οἱ τοιοῦτοι ἔσονται, ὥσπερ οἱ ἐν ταῖς ὀλιγαρχίαις, καὶ τιμῶντες ἀργίῳς ὑπὸ σκοτοῦ χρυσὸν τε καὶ ἄργυρον, ἅτε κεκτημένοι ταμειᾶ καὶ οἰκείους θησαυρούς, οἱ θέμενοι ἀν αὐτὰ κρύψειν, καὶ αὐτὴν περιβόλους οἰκήσεων, ἀτεχνῶς νεοττίας ἰδίᾳ, ἐν αἷς ἀναλίσκοντες γυναιξί τε καὶ οἷς ἐθέλοιεν ἄλλοις πολλὰ ἀν δαπανῶντο. Ἀληθέστατα, ἔφη. Οὐκοῦν καὶ φειδῶλοι χρημάτων, ἅτε τιμῶντες καὶ οὐ φανερώς

κτώμενοι, φιλαναλωταὶ δὲ ἀλλοτρίων δι' ἐπιθυμίαν, καὶ λάθρα τὰς ἡδονὰς καρπούμενοι, ὥσπερ παῖδες πατέρα τὸν νόμον ἀποδιδράσκοντες, οὐχ ὑπὸ πειθοῦς ἀλλ' ὑπὸ βίας πεπαιδευμένοι διὰ τὸ τῆς ἀληθινῆς.

19) Plato *Republic* 550D: Τὸ ταμειῖον, ἦν δ' ἐγώ, ἐκεῖνο ἐκάστῳ χρυσοῦ πληρούμενον ἀπόλλυσι τὴν τοιαύτην πολιτείαν. πρῶτον μὲν γὰρ δαπάνας αὐτοῖς ἐξευρίσκουσιν, καὶ τοὺς νόμους ἐπὶ τοῦτο παράγουσιν, ἀπειθοῦντες αὐτοὶ τε καὶ γυναικες αὐτῶν.

20) Athen. 6.24, 233E-F ~ Posidonius *FGH* 87 F 48 = fr. 240a Edelstein/Kidd: Λακεδαιμόνιοι δ' ὑπὸ τῶν ἐθῶν κωλύμενοι εἰσφέρειν εἰς τὴν Σπάρτην, ὥς ὁ αὐτὸς ἱστορεῖ Ποσειδώνιος, καὶ κτᾶσθαι ἀργυρον καὶ χρυσὸν ἐκτῶντο μὲν οὐδὲν ἦττον, παρακατετίθεντο δὲ τοῖς ὁμόροις Ἀρκάσιν· εἴτα πολέμιους αὐτοὺς ἐσχον ἀντὶ φίλων, ὅπως ἀνυπεύθυνον τὸ ἀπίστον διὰ τὴν ἐχθραν γένηται. τῷ μὲν οὖν ἐν Δελφοῖς Ἀπόλλωνι τὸν πρότερον ἐν τῇ Λακεδαίμονι χρυσὸν καὶ ἀργυρον ἱστοροῦσιν ἀνατεθῆναι, δημοσίᾳ δὲ εἰς τὴν πόλιν Λύσανδρον εἰσαγαγόντα πολλῶν κακῶν αἴτιον γενέσθαι. Γύλιππον γοῦν τὸν Συρακοσίους ἐλευθερώσαντα ἀποθανεῖν ἀποκατερῆσαντα λόγος, καταγνωσθέντα ὑπὸ τῶν ἐφόρων ὥς νοσφισάμενον ἐκ τοῦ Λυσανδρείου χρήματος. τοῦ δὲ ἀνατιθεμένου θεῶ καὶ συγχωρουμένου δήμου καθάπερ κοσμήματος καὶ κτήματος οὐ βράδιον ἦν τὸν θνητὸν δλίγῳρον γενέσθαι.

Thomas J. Figueira
New Brunswick, N.J., USA

SPARTANISCHES EISENGELD UND DIE IDEOLOGIE SEINES VORHANDENSEINS IM ARCHAISCHEN UND KLASSISCHEN SPARTA

Das überlieferte Bild von Sparta geht auf ein Porträt zurück, das aus Plutarch und anderen spätantiken Autoritäten rekonstruiert werden kann. Der vorliegende Überblick bezieht seine Information aus polemischen Äußerungen des 5. und 4. Jh.s und peripatetischer Verfassungsgeschichte. Ihr zufolge hat Lykurg angeblich Einheiten von Eisengeld, Pelanore genannt, als einzig rechtliches Zahlungsmittel eingesetzt, sie mit Essig behandelt, um sie für praktische Zwecke unbrauchbar zu machen, und einem großen Gewicht einen niedrigen Zahlungswert beigemessen. Hierzu ist zu sagen, dass drei miteinander verbundene Entscheidungen das System schufen, das prinzipielle Gültigkeit erlangen sollte: ein Verbot der öffentlichen Verbreitung von Edelmetallen um 600, ein Verdikt gegen den Gebrauch von Silbermünzen 525–500 und die In-Umlauf-Setzung der Pelanore um 500 oder später. Eisengeld war eine Komponente im ideologischen System der Spartaner. Im Gegensatz zu vormonetären Medien wie *obeloi* stellten die Pelanore ein Antigeld dar, da sie nicht gemeinnützig waren und ihnen ein unrationell niedriger Münzwert beigemessen war. Eine Geldzustellung in Pelanoren war undurchführbar. Ihre einzige praktische Funktion mag in der Zahlung von Strafen bestanden haben. Ihr Status allerdings diente der Stigmatisierung des Gebrauchs von Silbermünzen und der Abschirmung gegen eine stärker ausgebaute Ökonomie. Trotz Prohibition drang die Geldpsychologie allmählich nach Sparta ein, indem sie sich in einem inneren Schwarzmarkt manifestierte. Das Nichtvorhandensein einer Geldwirtschaft beeinträchtigte Sparta als Hegemonialmacht, verkomplizierte den Austausch zwischen dem öffentlichen und dem privaten Bereich und vertiefte nach 431 die sozioökonomische und demographische Krise. Die Starre der spartanischen Sozialstruktur stärkte die spartanische Militärmacht, war aber außerstande, ein wachstumsförderliches neues Gesellschaftsgeschehen in sich aufzunehmen.